

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.2>

Гребенщиков Юрий Юрьевич

Костюмные аксессуары в романах И. С. Тургенева 1850-х годов и в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова

Цель исследования - определить роль и функциональные особенности костюмных аксессуаров в художественном осмыслении мира И. С. Тургеневым и в бытописательской практике С. Т. Аксакова. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка системного сопоставления творческой работы Тургенева и Аксакова в ракурсе анализа костюмной детализации, в результате чего выявляется специфика авторского смыслообразования. Полученные результаты показали, что специфика детализации Тургенева и Аксакова выявляет различия авторских задач двух писателей, постановка которых обусловлена двумя разными дискурсами: художественным и нравоописательным.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 12-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Анненков П. В.** Характеристики: И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой // Анненков П. В. Критические очерки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 100-125.
2. **Бурсов Б. И.** Автобиографическая трилогия Л. Н. Толстого // Вестник Ленинградского университета. Серия общественных наук. 1953. № 9. Вып. 3. С. 105-126.
3. **Громов П. П.** О стиле Льва Толстого: становление «диалектики души». Л.: Худож. лит., 1971. 390 с.
4. **Гусев Н. Н.** Л. Н. Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 916 с.
5. **Елизаветина Г. Г.** Диалектика становления личности. Автобиографическая трилогия Л. Толстого и «Былое и думы» А. И. Герцена // Толстой и литература народов Советского Союза: сб. статей. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1978. С. 116-128.
6. **Николаева Е. В.** Повесть Л. Н. Толстого «Детство» // Конспекты уроков для учителя литературы. 6-10 классы. Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой: пособие для учителя. М.: Владос, 2002. С. 298-318.
7. **Опульская Л. Д.** Первая книга Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. С. 479-508.
8. **Попов П.** Стиль ранних повестей Толстого // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Л. Н. Толстой. Кн. I. С. 78-116.
9. **Романова Н. И.** Повесть «Детство» в свете формирования художественного мира Л. Н. Толстого // Русская словесность. 2018. № 6. С. 31-38.
10. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.
11. **Толстой Л. Н.** Война и мир: в 4-х т. М.: Правда, 1986. Т. 4. 384 с.
12. **Толстой Л. Н.** Воскресение. М.: Наука, 1964. 580 с.
13. **Толстой Л. Н.** Детство. Отрочество. Юность. М.: Правда, 1987. 432 с.
14. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Художественная литература, 1935. Т. 2. 417 с.
15. **Храпченко М. Б.** Лев Толстой как художник. М.: Советский писатель, 1965. 508 с.
16. **Чуприна И. В.** Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1961. 191 с.
17. **Шкловский В. Б.** Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с.
18. **Эйхенбаум Б. М.** Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Epic Worldview in L. N. Tolstoy's Trilogy "Childhood", "Boyhood", "Youth"

Gorodilova Natalia Ivanovna, PhD

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natromanova2007@yandex.ru

The article is devoted to analysing L. N. Tolstoy's autobiographical trilogy "Childhood", "Boyhood", "Youth" in the context of the formation of the epic leitmotif of his creative world. Scientific novelty of the research is determined by studying the trilogy as the writer's first epic conception. The aim of the research is to analyse the means of implementing epic worldview and establish a connection between the trilogy and the author's novelistic work. The attained results have shown that epic nature of the trilogy is contingent on magnitude of creative challenge (to depict different ages as life stages), choice of the protagonist and the type of conflict (a conscientious person, prone to have an analytical outlook on life, seeking the true meaning of life), with its resolution relying upon the protagonist's progression from "I" towards the world.

Key words and phrases: Tolstoy; novel; epic; autobiographical trilogy; artistic conception.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.9.2>

Дата поступления рукописи: 09.07.2020

Цель исследования – определить роль и функциональные особенности костюмных аксессуаров в художественном осмыслении мира И. С. Тургеневым и в бытописательской практике С. Т. Аксакова. **Научная новизна** работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка системного сопоставления творческой работы Тургенева и Аксакова в ракурсе анализа костюмной детализации, в результате чего выявляется специфика авторского смыслообразования. **Полученные результаты** показали, что специфика детализации Тургенева и Аксакова выявляет различия авторских задач двух писателей, постановка которых обусловлена двумя разными дискурсами: художественным и правописательным.

Ключевые слова и фразы: И. С. Тургенев; С. Т. Аксаков; костюмные аксессуары; детализация; авторская задача.

Гребенщиков Юрий Юрьевич

Московский городской педагогический университет
astrum.virtu@gmail.com

Костюмные аксессуары в романах И. С. Тургенева 1850-х годов и в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова

В романах И. С. Тургенева «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860) и в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова, которая включает в себя «Семейную хронику» (1856), «Детские годы

Багрова-внука» (1858) и примыкающие к ним «Воспоминания» (1856), сказался общий интерес писателей к судьбе России и к национальному характеру. Хорошие знакомые, взаимно симпатизировавшие творчеству друг друга, Тургенев и Аксаков близки и в последовательном представлении человека в социокультурном контексте эпохи. В этой связи **актуальность** нашего исследования определена необходимостью компаративного изучения сходств и различий авторской работы писателей в ракурсе воссоздания историко-культурных реалий в указанных произведениях.

Задачи исследования состоят в том, чтобы **определить**, в чём состоит близость творческих индивидуальностей Тургенева и Аксакова, **проанализировать** функциональные особенности костюмных аксессуаров в романах Тургенева и в хрониках и воспоминаниях Аксакова и **показать разность** художественной и бытописательской разработки детали при обращении писателей к типологически близким фактам жизни.

При решении поставленных задач используются следующие **методы исследования**: сравнительно-типологический, герменевтический, описательно-исследовательский и статистический.

Теоретическая база исследования опирается на научные разработки в области детали Г. Н. Поспелова, А. В. Чудакова, А. Б. Есина, Л. В. Чернец, М. Б. Лоскутниковой, а также включает в себя литературоведческие и искусствоведческие работы, посвящённые костюму. В тургенеvedении на особую роль костюмной детализации при портретировании героев обращали внимание С. Е. Шаталов, А. Г. Цейтлин, П. Г. Пустовойт. В относительно недавнее время к анализу костюма в произведениях Тургенева обращались в своих статьях В. М. Бялик и Г. П. Казубовская. В аксаковедении магистральные направления аналитической мысли, связанные в том числе и с проблемой детализации, обозначены в монографии С. И. Машинского. Из современных исследователей костюм в произведениях Аксакова в полиэтническом аспекте рассматривает Л. Н. Сарбаш. В искусствоведении и истории моды вопрос о значимости костюма в культуре и повседневности разработан в трудах Р. П. Андреевой, А. Блейз, В. Брун, Э. Тиль, М. Тильке, Н. Будур, Г. Вейс, Р. В. Захаржевской, Н. М. Каминского, Е. В. Киреевой, Р. М. Кирсановой, Ф. Ф. Комиссаржевской и других.

Практическая значимость представленных в статье материалов состоит в возможности их применения при преподавании вузовских курсов истории русской литературы.

В литературе XIX века костюм обладает широким семиотическим потенциалом [8, с. 5-16]. Особую роль играют костюмные аксессуары, которые в отличие от регулярных элементов костюма – одежды, головных уборов и обуви – призваны дополнить и завершить облик человека и могут служить украшением, сигнализировать о статусе и принадлежности своего обладателя к той или иной социальной группе, свидетельствовать о материальном положении носителя и его приверженности определённым эстетическим идеалам, говорить о вкусовых предпочтениях. Современные искусствоведы, исследуя повседневную моду XVIII-XIX веков, относят к костюмным аксессуарам разного рода украшения – серьги, цепочки, подвески, браслеты, кольца, парики и прочее, а также функциональные атрибуты – перчатки, шарфы, носовые платки, веера, зонты, кошельки, очки, дамские сумочки, часы у мужчин и многое другое [Там же]. В расширительном понимании к этому ряду могут быть отнесены также дорожные сумка, чемодан, посох.

В романах Тургенева 1850-х годов костюмная детализация представлена избирательно. Более того, костюмными аксессуарами наделены, как правило, второстепенные персонажи, в изображении же главных героев они практически отсутствуют, что во многом связано с созданием этико-психологических характеристик образа [4]. Действительно, костюмы Лежнева и Липиной, Дарьи Ласунской и Пандалевского в романе «Рудин», Паншина и Варвары Лаврецкой, Марьи Дмитриевны Калитиной и Гедеоновского в «Дворянском гнезде», Шубина и Берсенева, Анны Стаховой и Зои Мюллер в «Накануне», как правило, подробны и свидетельствуют о ценностных ориентирах своих обладателей, в том числе позволяя автору группировать персонажей со схожими нравственными установками. Вместе с тем детализация Тургенева при изображении костюмных аксессуаров направлена и на выявление мотивной основы романов, что предполагает «вплотнение общей идеи произведения, непосредственно с изображаемыми событиями не связанной», и отражает «концептуальные стороны мировидения художника» [12, с. 52].

В романе «Рудин» при изображении Дарьи Михайловны Ласунской перчатки дважды маркируют мотив эгоизма, представая как знак светского общества, где человеческие взаимоотношения построены по принципу игры, а поведение и целевые установки людей определяются их личной выгодой и себялюбием. Так, Лежнев, по природе своей чуждый светскому времяпровождению, – крепкий и умный хозяин – дистанцируется от салонного образа жизни, установленного в доме Ласунской, прямо отвечая на замечание Дарьи Михайловны: «...у меня и фрака порядочного нет, *перчаток* нет; да я и не принадлежу к вашему кругу» [18, с. 237] (здесь и далее курсив автора статьи. – Ю. Г.). Позже Рудин, изначально обласканный вниманием Ласунской, а после того, как она потеряла к нему интерес, попавший в немилость, проводит мысленную аналогию (в данном случае голос повествователя смешивается с сознанием персонажа): «...он теперь знал по опыту, как светские люди даже не бросают, а просто роняют человека, ставшего им ненужным: *как перчатку* после бала» [Там же, с. 291].

В романе «Дворянское гнездо» при изображении Михалеви́ча и Христофора Лемма чемодан – дорожный аксессуар, который в расширительном толковании может рассматриваться как сопровождение костюма, – маркирует мотив странничества и странного, обозначая низкий материальный статус персонажа и символически воплощая его судьбу скитальца. С Михалеви́чем и Леммом Фёдор Лаврецкий ведёт доверительные разговоры, затрагивая самые сокровенные и глубокие личностные темы, причём чемодан вводится в ситуациях прощания персонажей. В этой связи указанный аксессуар создаёт определённую смысловую подсветку образа главного героя, для которого мотив странничества и странного является ключевым. Так, Тургенев акцентирует внимание на сочувственном взгляде Лаврецкого, который провожает Михалеви́ча в дальний путь,

видит «плоский, желтый, до странности легкий *чемодан*» [17, с. 79]. «Небольшой» чемодан Лемма, который хозяин собирает «без помощи слуги», становится физической преградой между друзьями, отстранившимися друг от друга духовно: Христофор Федорыч попрощался с Лаврецким, «не протягивая своему приятелю руки (он держал *чемодан* обеими руками перед грудью)» [Там же, с. 86].

В романе «Накануне» для главной героини Елены Стаховой ореховая палка и сумка, а также венок из васильков воплощают идеи о «божьей воле» и «нищих», маркируя тем самым одновременно мотивы странничества, свободы и альтруизма: глубоко впечатлённая знакомством и общением с крестьянской девочкой Катей, Елена «думала о том, как она вырежет себе *ореховую палку*, и *сумку* наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в *венке из васильков*: она однажды видела Катю в таком венке» [Там же, с. 183].

Помимо участия в архитектурной организации художественного целого костюмные аксессуары в тургеневских романах способствуют тому, чтобы показать человека, в том числе особенности светского мышления, где самое серьёзное внимание уделяется внешнему виду. В романе «Рудин» претенциозность помещицы Ласунской Тургенев передаёт при помощи меткой детали: Дарья Михайловна во время своего салона держит в руках носовой платок, «напитанный одеколоном», и так отгораживается от нелюбезных её вкусам посетителей [18, с. 220]. Гувернантка, ml-le Vonscourt, под стать хозяйке салона показана «с накладкой черных волос под разноцветным чепцом и хлопчатой бумагой в ушах» [Там же, с. 209]. В романе «Дворянское гнездо» ключевое противоречие в характере Паншина между его амплуа художника и чиновника ёмко вмещено в одну деталь: «...на большом пальце левой руки носил он винтообразное золотое кольцо» [17, с. 22]. Кольцо, с одной стороны, будучи надетым на большой палец, свидетельствует о властных амбициях персонажа [14, с. 204]. С другой же стороны, винтообразная форма изделия указывает на артистические претензии Паншина.

Нередко в романах Тургенева костюмный аксессуар может раскрывать серьёзное внутреннее напряжение персонажей и свидетельствовать об их сложных душевных переживаниях. Так, например, изображены сцены сближения Липиной и Лежнева в романе «Рудин» и Елены Стаховой и Инсарова в романе «Накануне». Александра Павловна во время волнующего разговора с Михайло Михайлычем обращается к Лежневу с важным для себя вопросом, при этом «внимательно рассматривая кайму *носового платка*» [18, с. 287]. Ощущение нарастающего страха и одновременно самого интимного доверия и решимости в душе Елены Стаховой, оставшейся с Инсаровым наедине, Тургенев сопровождает просьбой героини, обращённой к возлюбленному: «...сними с меня *перчатки*» [17, с. 251].

При помощи костюмных аксессуаров Тургенев добивается сатирического изображения ряда персонажей: Пандалевского в романе «Рудин», Гедеоновского в романе «Дворянское гнездо», Андрея Петровича Стахова в «Накануне». В рамках данной статьи остановимся только на одном образе – Сергея Петровича Гедеоновского. Портрет персонажа насыщен костюмной детализацией, которая призвана подчеркнуть, что «всё в нем дышало приличием и пристойностью» [Там же, с. 10]. Два заметных аксессуара в костюме Гедеоновского обыгрываются Тургеневым в сцене разговора Сергея Петровича с Марфой Тимофеевной Пестовой, где персонаж показан в «серых замшевых перчатках и двух галстуках – одном черном, сверху, другом белом, снизу» [Там же]. Внешний облик Сергея Петровича получает оценку в сцене, где Марфа Тимофеевна вяжет «большой шерстяной шарф»: на вопрос Гедеоновского о том, «кому назначается этот миленький шарф», Пестова отвечает, что шарф предназначен тому, «кто никогда не сплетничает, не хитрит и не сочиняет» [Там же, с. 9]. Марфа Тимофеевна, которая «говорила всем правду в глаза», неліцеприятно, но справедливо аттестует постоянного гостя дома Калитиных: «...глядит таким смиренным... а что рот раскроет, то солжет или насплетничает» [Там же, с. 10]. «А еще статский советник! Ну, и то сказать: попович!» – добавляет Пестова, для которой вопрос происхождения имеет особое значение: «...трое Пестовых значатся в синодике Ивана Васильевича Грозного; Марфа Тимофеевна это знала» [Там же, с. 57]. В результате внешний вид, говорящий о стремлении Гедеоновского соответствовать определённому социальному статусу, противоречит заземлённым и непорядочным свойствам личности персонажа, благодаря которым он, судя по всему, и дослужился до чина статского советника.

Таким образом, в романах Тургенева костюмные аксессуары маркируют ряд мотивов, в том числе ключевых для творчества писателя: мотивы эгоизма, странничества и странного, свободы, игры. При этом писатель обращается к знаковой природе костюмных аксессуаров, в отдельных случаях открывая символические векторы изображаемых деталей и тем самым создавая смысловое насыщение образа, – это перчатки в романе «Рудин», чемодан Михалеви́ча и чемодан Лемма, кольцо Паншина и шарф, который вяжет Марфа Тимофеевна, в романе «Дворянское гнездо», дорожные посох и сумка, которые представляет себе Елена Стахова в романе «Накануне». Кроме того, детализация костюмных аксессуаров у Тургенева наделена гуманитарной проблематикой и способствует раскрытию психологических нюансов и сокровенных внутренних переживаний персонажей: будь то глубоко заинтересованная в *Другом* [11] тревога Липиной или эгоистичные и мелкие желания сановитого чиновника Гедеоновского.

В автобиографической трилогии Аксакова, совокупно превышающей общий объём романов Тургенева 1850-х годов, костюмные аксессуары встречаются реже. Вероятно, это объясняется тем, что, в отличие от тургеневских романов, где все элементы изображения подчинены общей задаче при формировании художественного целого, отбор деталей в аксаковских хрониках и воспоминаниях произведён на иных основаниях, связанных с особенностями работы бытописателя.

При определении функциональных особенностей костюмных аксессуаров, представленных в трилогии Аксакова, следует обратиться к омонимичному термину А. Б. Есина – *аксессуарная функция* вещи. Действительно, почти все обозначенные в хрониках и воспоминаниях элементы костюма характеризуют эпоху и нравы в их исторической и культурной конкретике – это детализация облачения слуги, национальной одежды и гимназической формы. В отличие от Тургенева Аксаков сосредоточивается и останавливается на типологическом

аспекте описания. Следует, однако, отметить, что в «Семейной хронике» представлены также два выбивающихся из этого ряда случая, когда костюмные аксессуары нацелены на индивидуализацию персонажа и формирование психологических акцентов: калиновый «подожок» (автор использует уменьшительную форму диалектного наименования подручной палки, трости для ходьбы [6, с. 196]) Степана Михайловича Багрова и «обручальное кольцо» Софьи Николаовны Зубиной. Последовательно рассмотрим обозначенные факты.

Описывая старого слугу Пантелея из хроник «Детские годы Багрова-внука», Аксаков указывает на детали костюма, наиболее типичные для представителей этого рода деятельности той поры: «длинный сюртук горохового цвета с огромными медными пуговицами», «синие пестрые чулки с красными стрелками» и «башмаки с большими серебряными пряжками» [3, с. 434]. Костюмный аксессуар, пряжки на башмаках, в совмещении с чулками – это широко распространённое сочетание предметов мужского костюма, ставшее чрезвычайно популярным в 1790-е годы [10]. Их нередко можно встретить в мемуарах и воспоминаниях современников, в том числе и как атрибуты слуг в богатых домах. Так, например, П. И. Орлова-Савина, описывая повседневную рабочую одежду своего отца, служившего у помещицы-генеральши Анненковой, указывает, что у него были «синий фрак, белые – манишка и галстук, шелковые чулки и лакированные башмаки с пряжками» [13].

В описании Аксакова у Пантелея есть ещё «камышовая трость с вызолоченным набалдашником» [3, с. 435]. Эта выразительная деталь могла бы стать основой для развития индивидуального начала старого слуги, создания образа, но Аксаков сосредоточивается на подчёркнуто типичном описании, повествователь констатирует: «...это был замечательный представитель старинных слуг, которые уже перевелись, которые очень удачно схвачены Загоскиным в его романах» [Там же]. И действительно, Аксаков практически дословно цитирует портрет слуги из романа Загоскина «Искуситель»: «...худощавый старик... был в немецком кафтане старого покроя, в шелковых чулках, в башмаках с пряжками, в рыжеватом парике с длинным пучком и держал в руке толстую камышовую трость с золотым набалдашником» [7]. Воссоздавая описание слуги в своих воспоминаниях о Гоголе, Аксаков также обращается к испытанной формуле: старый слуга на станции Померани двадцать лет ходил, «по-видимому, в одном и том же фраке, в одних и тех же чулках и башмаках с пряжками» [2, с. 161]. Позже, в 1880-е годы, А. И. Герцен в своём мемуарном произведении «Былое и думы» использует указанные детали костюма в качестве обобщения: «Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался только что вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия» [5, с. 211].

Костюмные аксессуары, точно подмеченные Аксаковым в национальном костюме, ярко передают колорит одежды крепостных. В «Семейной хронике», в частности, описана одежда мордочек, которую видит Софья Николаовна: «вышитые красною шерстью белые рубахи», «черные шерстяные пояса, или хвосты», «головные уборы, обвешанные серебряными деньгами и колокольчиками» [3, с. 166]. В хронике «Детские годы Багрова-внука» присутствует идентичное описание нарядов чувашских женщин: чувашки «ходят в белых рубашках, вышитых красной шерстью, носят какие-то черные хвосты, а головы их и грудь увешаны серебряными, и крупными и самыми мелкими, деньгами: все это звенит и брякает на них при каждом движении» [Там же, с. 289]. Исследователи полиэтнической составляющей творчества Аксакова свидетельствуют, что писатель «в передаче самотытного национального наряда... этнографически точен» [16, с. 372].

В «Воспоминаниях» Аксакова костюмные аксессуары также почти не представлены. Писатель лишь дважды вскользь упоминает детали форменного костюма учеников гимназии, указывая на его отличительные элементы – «зеленые мундиры с красными воротниками» и обязательным «суконным галстуком» [1, с. 7, 15, 48]. В данном случае Аксаков также исторически точен и стремится передать наиболее типичные черты в одежде ученика уфимской гимназии 1810-х годов.

«Калиновый подожок», принадлежащий Степану Михайловичу Багрову, встречается в «Семейной хронике» всего 4 раза. Помимо прямого назначения – быть опорой при ходьбе, «подожок» служит Степану Михайловичу также своеобразным жезлом, с помощью которого он предостерегает вверенное ему, главе рода, семейство и дворовых людей от неверного в рамках сложившегося миропорядка поведения и поступков. В данных координатах этот атрибут становится знаком, проявляющим одно из главных качеств Багрова: справедливость. Вместе с тем «подожок» работает в большей степени на воплощение миромоделирующей функции, подчёркивая статус Багрова как патриарха и носителя фундаментальных жизненных заветов. Современная исследовательница считает, что подожок Степана Михайловича трагестийно выполняет функцию посоха Моисея [15, с. 133]. Однако следует учитывать также большой семантический потенциал, заложенный в фольклорном и мифологическом фито-коде, репрезентированном в указании на материал, из которого изготовлен подожок. Калина у восточных славян имеет много значений, среди которых – зрелость и плодородие. Важна также и аллюзия на новозаветный сюжет о грешнице, возникающая благодаря сходству динамического портрета Багрова с Иисусом Христом в эпизоде, где Степан Михайлович погружён в размышления о судьбе своего сына: «...долго сидел мой дедушка, чертя калиновым подошком какие-то узоры на полу своей комнаты» [3, с. 138]. Решение, принятое в результате Степаном Михайловичем, противоречит строгому, им самим же и наложенному на сына запрету жениться на неравной по сословному происхождению девушке и закрепляет за ним такое высокоморальное свойство характера, как милосердие. Отметим также, что выявленные мифопоэтические значения калинового «подожка» позволяют эксплицировать онтологические особенности национального мировоззрения [19].

Помолвочное кольцо Софьи Николаовны Зубиной – один из немногих примеров целенаправленной работы Аксакова с костюмным аксессуаром для создания психологической динамики в описании персонажа. Так переданы непростые духовные метания девушки на пороге замужней жизни: в отчаянии Софья Николаовна «не один раз... снимала с руки обручальное кольцо, клала его перед образом Смоленския божия матери и долго

молилась, обливаясь жаркими слезами, прося просветить ее слабый ум», помолвившись, она «чувствовала себя как-то бодрее и спокойнее, принимала это чувство за указание свыше», и вновь «надевала обручальное кольцо и выходила в гостиную к своему жениху спокойная и веселая» [3, с. 158].

Выводы. Исследование показало, что Тургенева и Аксакова сближает интерес к повседневной жизни и культуре в социальных и бытовых нюансах, которые, в частности, представлены костюмными аксессуарами.

Однако Тургенев в своих романах не останавливается на воссоздании особенностей моды и светского этикета, а преследует цель сформировать образ, гармонично сочетающий элементы типизации и индивидуализации. Кроме того, тургеневская детализация проявляет мотивную основу его произведений, акцентируя идейно-тематические векторы и указывая на ключевые проблемные узлы.

Аксаков же, работая как бытописатель, стремится к описаниям, фиксирующим прежде всего те факты жизни, которые выступают наиболее типичными для эпохи. Также автор «хроник» и воспоминаний при работе с немногочисленными костюмными аксессуарами решает иные жанровые задачи, определённые нраво-описательным дискурсом.

Данное исследование может быть продолжено в русле компаративного анализа костюмной детализации на материале романного творчества Тургенева 1850-х годов и в автобиографической трилогии Аксакова, относящейся к тому же времени по написанию, а также в рамках комплексного изучения поэтики детали.

Список источников

1. Аксаков С. Т. Воспоминания // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 5-157.
2. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Правда, 1966. Т. 3. С. 143-376.
3. Аксаков С. Т. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 55-554.
4. Бялик В. М. Костюм как этико-психологическая характеристика героев в произведениях И. С. Тургенева // Тургеневские чтения: сб. ст. / сост. Г. Л. Медынцева, Е. М. Огнянова. М.: Рус. путь, 2004. Вып. 1. С. 157-171.
5. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. Ч. 1-3. Былое и думы. 519 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб. – М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. П. 584 с.
7. Загоскин М. Н. Искуситель [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zagoskin_m_n/text_0040.shtml (дата обращения: 20.06.2020).
8. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды / пер. на рус. яз. И. М. Ильинской и А. А. Лосевой. Прага: Артия, 1987. 608 с.
9. Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М.: Книга, 1989. 286 с.
10. Короткова М. В. Русский быт новой эпохи. Просвещенный XVIII век [Электронный ресурс] // Традиции русского быта: энциклопедия. М.: Дрофа-Плюс, 2008. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/korot/kova/byt/index.htm> (дата обращения: 09.06.2020).
11. Лоскутникова М. Б. Мотив Другого в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 3. С. 95-100.
12. Лоскутникова М. Б. Телеологические принципы художественного целого и композиционно-архитектоническая организация рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья» // Inskrupje. 2019. R. VII. № 1 (12). S. 45-56.
13. Орлова-Савина П. И. Автобиография [Электронный ресурс] / подгот. текста, вступ. ст. и указатели И. С. Преображенской. М.: Худож. лит., 1994. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/O/orlova-savina-praskovjya-ivanovna/avtobiografiya> (дата обращения: 20.06.2020).
14. Романенкова Ю. В. Кольцо как неотъемлемый атрибут западноевропейского костюма эпохи Ренессанса и маньеризма: особенности дизайнера, символика // Молодой ученый. 2018. № 11 (63). С. 201-208.
15. Савина Л. Н. Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 132-136.
16. Сарбаш Л. Н. Полиэтнический мир Поволжья в семейных хрониках С. Т. Аксакова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 371-377.
17. Тургенев И. С. Дворянское гнездо; Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 5-300.
18. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 197-323.
19. Угрюмов В. Е. Смыслы и ценности мировоззрения русского человека в произведениях С. Т. Аксакова. Новокузнецк: Изд. центр СибГИУ, 2014. 176 с.

Costume Items in I. S. Turgenev's Novels of the 1850s and S. T. Aksakov's Autobiographical Trilogy

Grebenshchikov Yuri Yur'evich

Moscow City University

astrum.virtu@gmail.com

The paper aims to reveal the role and functions of costume items in I. S. Turgenev's artistic worldview and in S. T. Aksakov's slice-of-life narrative. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the researcher for the first time provides a comparative analysis of I. S. Turgenev's and S. T. Aksakov's individual styles paying special attention to description of personages' clothes. The conducted research allows identifying specificity of the authorial meaning formation. The research findings are as follows: the analysis of I. S. Turgenev's and S. T. Aksakov's artistic conceptions reveals different authorial intentions determined by peculiarities of artistic and moralistic discourses.

Key words and phrases: I. S. Turgenev; S. T. Aksakov; costume items; detalization; authorial intention.